

Алиса увидела четверку только что вышедших из вагона монгольских артистов: пожилую пару скромного вида в кожаных плащах, высокого молодого мужчину и девушку в красно-коричневой куртке, подчеркивающей изящество ее стройной фигуры. Больше всего Алису удивил молодой монгол, высокий, подтянутый, со скуластым лицом, в котором проступало что-то бычье, упрямое, скрытая сила.

Заглянув в свои бумаги, Алиса обратилась к молодому парню:

— Вы — Сурен?

— Да. Тугжсурен. Здравствуйте!

— Здра-аствуйте! — нараспев обратилась Алиса ко всей делегации, вкладывая всё своё обаяние в приветствие и улыбку. Те оживились и потянулись к ней навстречу, подавая руки и представляясь по очереди.

— А где же... это весь ваш багаж? — спросила она Сурена, вглядываясь в бархат его тёмно-карих глаз.

— Наших кукол не пропустили на таможене, — грустно ответил Сурен, подняв правую руку и тут же вяло уронив ее.

— Не — пропустили — кукол? — изумилась Алиса, — да какая же в них опасность? О чем они могут сказать? Или это — животные какие-то не вакцинированные?

— Так они сказали: платите пошлину за ввоз! А мы: какая может быть пошлина, нас же пригласили на фестиваль! — обиженно сказал старший монгол Сымбел.

— И где они теперь, куклы ваши?

— Там, в таможене, сдали их на хранение под расписку. Может, вы поможете их как-то вызволить, и чтобы отправили сюда скорее?

Они смотрели вопросительно на Алису, пытаясь прочесть в облике обаятельной блондинки, в ее зеленоватых глазах нечто чудодейственное, что могло бы мановением волшебной палочки разрушить эту неприятную ситуацию и соединить их с любимыми куклами.

Алиса вздохнула:

— Я попробую поговорить с начальством, может — найдется опытный в этих вопросах человек, и можно обратиться...

— С телеграммой! Туда, в Наушки, где их задержали.

— Да, я попробую. Сейчас вам надо разместиться, пойдете, нас ждет микроавтобус, — и вся группа пошла к выходу в город, лавируя в сутолоке толпы.

Пятью сутками ранее как раз и произошло событие, выбившее из колеи маленький коллектив монгольского кукольного театра.

Вагон поезда, в котором они ехали, как обычно, был заполнен азиатскими торговцами — «челноками». Когда поезд медленно, то и дело останавливаясь, пересекал границу, по всему вагону началось непрерывное хождение «челноков», держащих в руках пачки джинсов и футболок. Они «пристраивали» товар пассажирам, энергично, как только могли, чтобы избежать пошлины на их провоз. Это была их битва за прибыль. То и дело они заглядывали и к кукольникам, настойчиво предлагая разместить у себя вещи. Директор театра Сымбел, хорошо знавший ситуацию, в ответ поднимал правую руку, помахивая ею вправо-влево, что выражало решительный отказ. Его коллеги отворачивались.

Сурену наскучил медленный ход поезда, он вышел в коридор и стал смотреть в окно, где как раз показался пограничный пост. Там под маленьким навесом из досок стояла красивая русская девушка в военной форме с зелеными погонами, в шапке-ушанке, и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Внезапно его тронула за плечо подошедшая проводница-монголка, худенькая до невероятности. В руках она держала новые светло-синие мужские джинсы. Развернула их и приложила к бедру Сурена, выразительно щелкнув языком. Она объяснила, что взяла вещь для реализации, но узнала, что таможенники строго все проверяют, и решила продать джинсы сейчас. Она назвала мизерную цену и стала приговаривать, как бы они на нем хорошо сидели. Он заколебался, но проводница стала так жалобно его просить, что он наконец согласился. Появившись в своем купе с джинсами в руках, встретил колючий взгляд Сымбела, но невозмутимо продёрнул брюки на плечики, показывая всем видом, что это — его вещь.

Прибыли на станцию Наушки, и наступило томительное ожидание проверки. Спустя полчаса она началась, с паспортами всё прошло гладко, офицер быстро открывал их и собирал в пачку, не задавая вопросов. Потом в проёме двери пока-

зались две женщины в форме таможенников. Старшая из них, вся из себя крупная и основательная, косила глазами: казалось, что когда её правый глаз смотрел в лицо пассажира, левый стрелял взглядом по верхним полкам, где размещены вещи. Совершив несколько своих необычных экскурсий глазами, она тронула рукой джинсы, висевшие над головой Сурена, отогнула подвесной ярлык с китайскими иероглифами и резко спросила:

— Это что? Ваши?

— Мои. Купил по дороге, свои-то дома забыл, — простодушно ответил Сурен, пожав плечами.

— Ну, врать-то не надо! — повысила голос таможенница.

— А что, я на зарплату джинсы не могу купить? — возмутился Сурен, и в его тёмных глазах блеснули искры.

— Ладно! — отрезала таможенница и взялась за чёрные кожаные объемистые кейсы, сама стащила один с верхней полки, пробуя его на вес. Он оказался легким, что еще более озадачило её. Она попросила открыть кейс, что и сделал Сымбел маленьким желтым ключом, похожим на позолоченный. Впрочем, это впечатление позолоты успешно создавало покрытие из нитрида бора. Картина внутренности кейса удивила служивую даму. В углублениях, обтянутых ослепительно-белой материей, с комфортом покоились куклы явно фабричного изготовления, а в углу красовался ярлык с надписями на немецком.

— Тут надо разобраться. Вперёд — со мной на выход, со всем багажом и ручной кладью, идём в таможню, — скомандовала дама.

В новом кирпичном здании, куда они вошли, был зал со столами для досмотра багажа, а за окошком застекленной стенки сидел внушительного вида пожилой таможенник, усатый, в очках с дорогой оправой. Все кейсы кукольников были открыты и проверены, после чего Сымбела позвали к окошку, и усатый спросил:

— Сколько у вас фирменных кукол и сколько, как вы говорите, сами изготовили?

— Мы купили немецкий комплект кукольного театра три года назад. И несколько кукол — пять, да, Сурен? — сделали сами.

Сурен приблизился к окошку, нависнув над ним своей могучей фигурой.

— А этот комплект... сколько он примерно стоил?

— Вообще-то, они недорогие, несколько сот долларов, но мы сделали специальный заказ на фабрику, по нашим эскизам они нам сделали, и просили специальную субсидию министерства...

Сымбел почувствовал, что его жена, стоявшая рядом, жала его локоть, но продолжил:

— Мы ждали субсидию не один месяц, и комплект нам обошелся в десять тысяч долларов.

— Десять? Так вот, художественное изделие высокой стоимости... есть пункт... платите пошлину, и можете проезжать.

— Какую пошлину? Нас же при-гла-сили, наш спектакль включен в программу фестиваля... вот, смотрите! Мы и обратно с теми же куклами здесь проедем.

— Поедете обратно — предъявите кейсы — получите пошлинную сумму обратно. А сейчас — откуда я знаю, может — оставите кукол в России, значит, это ввоз, а может, самолетом вернётесь — откуда я знаю? Есть общий порядок, делаю как мне положено.

— Это неправильно! Я буду жаловаться, — резко сказал Сымбел, и на его се-

дых висках проступил пот, — у нас такие расходы не предусмотрены, и денег на это нет. У нас впереди Москва, там гостиница, питание и прочие расходы.

— Пожалуйста! У вас есть выбор: оставляете кейсы с куклами здесь, мы выписываем квитанцию, и по ней заберёте их на обратном пути, — скучным тоном произнёс усатый, оглядывая расстроенных монголов, потом предложил: — Берите свои, самодельные куклы с собой, а фирменные сдайте на хранение здесь.

— Нет, мы так не можем. У нас в спектаклях заняты и те, и другие. Поедем без кукол. Будут сняты наши спектакли из программы. Но мы будем жаловаться!

— Хорошо, выписываю квитанцию, — равнодушно ответил усатый и быстро заполнил бланк, — вот тут, где «птички», распишитесь. Статья таможенных правил номер... зафиксируйте для себя, а текст статьи смотрите на постере, на той стенке. Это если, как говорите, жаловаться, так учитывайте российское законодательство.

Сымбел дрожащими руками взял квитанцию, и вся четвёрка уныло вернулась в вагон. Впереди их ждала Москва.

Гостиница, где жили участники фестиваля, располагалась вблизи московского кукольного театра. Алиса сама проследила, чтобы монголы хорошо устроились. Изучая прейскурант гостиницы, Сымбел покачивал головой, но Алиса приобняла его за плечи:

— Это не для вас. Мы оплачиваем размещение.

Фойе гостиницы было совсем небольшим, возле стойки портье стояли только два дивана и столик между ними, а на стене висела картина с видом Красной площади. Алиса присела на диван, поджидая на всякий случай монголов, если у них возникнут вопросы.

Спустя полчаса вышел Сурен, освеженный душем и сменивший рубашку, туго притянутую к шее красным галстуком.

— Хорошо устроились? — спросила она, с улыбкой оглядывая его праздничный вид.

— Всё хорошо! — улыбнулся он в ответ, — а это... наш вопрос завтра будете решать?

— Конечно, завтра, ведь в Наушках уже ночь, — мягко и мелодично ответила она и спросила:

— Первый раз в Москве?

— Первый. В Иркутске бывал.

— А давайте, прокатимся на Красную площадь? Хотите?

— Давайте! Только возьмем Цы, нашу девушку.

— Цы? Так ее звать?

— Цыжидма. Это мы так говорим.

— Хорошо, зовите, и поедем.

Алисе хотелось что-нибудь сделать для монголов в этой ситуации, развеять их невеселые думы. Они втроем проехали до станции Китай-Город и прошли мимо зданий министерств, с их архитектурой мрачного ампира, к центральной площади столицы, где царило веселье Масленицы на площадке рядом с катком. Ходили весёлые заводилы — ряженые бабы в сарафанах поверх зимних пальто, две размалёванные девицы на ходулях, парень и девушка в облачении бойцов Красной Армии. Бойкая ведущая с мегафоном вовлекла всю компанию в танец под гармошку. Сурен двигался неуклюже, и это забавляло Алису. Стараясь развеселить его, она делала умильные гримасы и вертела головой. Он улыбался.

Со следующего дня начался фестиваль, и Алиса была занята текущими вопросами. Она помнила о просьбе монголов, но эта идея — звонить и доказывать что-то таможенникам по телефону казалась ей нелепой, и к тому же кукол никто не пришлёт в Москву быстро. И я не миллионерша, — подумала она.

Фестиваль кукольных театров состоял из череды просмотров спектаклей и обсуждений — во всём этом празднике искусства каждый участник старался блеснуть, и многим это удавалось. Повезло и Сымбелу, который довольно остроумно рассказал о своих удачах. В сущности, это так нелегко — увлечь юных зрителей действием и добиться того, чтобы они восприняли и поняли идею спектакля.

В те часы полумрака зрительного зала, когда всё внимание поглощала сцена, Алиса украдкой переводила взор на Сурена, стараясь уловить его настроение, и радовалась, когда он был поглощён зрелищем. В перерывах, за чайными столиками, она несколько раз хотела подсесть к нему ближе и получше познакомиться. Но рядом с ним всегда оказывалась Цы, и это останавливало Алису. Они вместе словно отталкивали её этим досадным фактом: ведь она не добилась, чтобы их проблема была решена. Вообще говоря, интересные создания эти куклы: людям то и дело кажется, что в каждой из них присутствует некая душа. А души тех кукол были заперты в темнице таможни на далекой станции Наушки, и помочь им оказалось невозможно.

Окончился фестиваль, монголы бережно уложили в чемоданы полученные почетные дипломы — не призовые, а «за вклад в развитие...», но и они украсят театр. Спустя несколько дней артисты стояли перед окошечком Наушкинской таможни, а директор подавал служащему квитанцию.

— Как там наши куклы, вели себя спокойно? — с усмешкой спросил Сымбел.

Толстый усатый таможенник поднял усталое лицо, поправил очки, изучая своего визави, и чуть смущённо ответил:

— А что они... молчали, куклы же.

— Молчали? — переспросил Сымбел, и в его взгляде загорелась искорка.

Таможенник вздохнул, пошёл к полкам и снял кейсы, бережно вынес их на прилавок стойки: «Пожалуйста, проверьте наличие!» Голос его был тускл, а вся фигура выражала неловкость: я же должен был, поймите...

Поезд ушёл, на границе под дощатым навесом стояла та же красивая молодая девушка в зелёном бушлате и смотрела на пассажиров во все глаза.